

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

Публикация и комментарии В. И. Ереминой

Выдающийся языковед, историк литературы и культуры конца XIX—начала XX в. А. А. Шахматов, не будучи по своим профессиональным интересам ни фольклористом, ни этнографом, сумел образцово записать крупнейшие для своего времени коллекции олонецких сказок, калужских песен и причитаний и подготовить одну из наиболее совершенных этнографических работ начала XX в. — «Мордовский этнографический сборник».

Летом 1884 г. студент первого курса А. Шахматов совершил свою первую экспедицию в Олонецкую губернию с целью изучения местных говоров. На выбор им именно Олонецкого края несомненно повлияли результаты поездки сюда известных собирателей 1860—1970-х гг. П. Н. Рыбникова,¹ А. Ф. Гильфердинга² и историка русского языка М. А. Колосова,³ давших помимо записей памятников народного творчества, захватывающих по новизне и интересу, еще и ценные для лингвиста сведения по диалектологии. М. А. Колосов записал в Олонецкой губернии сказки, свадебные и игровые песни и снабдил свои записи обзором фонетических особенностей, ударений, форм словообразования, синтаксиса.

Узкая цель поездки А. Шахматова заключалась в проверке своих выводов о судьбе букв «е» и «ять» в русском языке, но результаты ее оказались значительно шире.

Свою экспедицию в июле—августе 1884 г. А. Шахматов начал из Петрозаводска, затем он обследовал северо-запад Олонецкой гу-

---

¹ *Рыбников П.* Об особенностях олонецкого наречия // «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». СПб., 1867. Ч. IV. С. 275—299.

² *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. СПб., 1873. С. VII—XLVIII.

³ *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (далее: ОЯС). СПб., 1977. Т. XVIII. С. 117—207.

бернии по берегу Онежского озера и через Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, где он пробыл довольно долго, двинулся дальше на север в Повенецкий уезд.⁴ Он выбрал для экспедиции столь глухой район, так как надеялся «найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектологические особенности».⁵ Путевые заметки А. А. Шахматова отразили его строго научные интересы.⁶ В них совсем нет этнографических описаний, не нашли свое отражение и какие бы то ни было записи, связанные с его личными впечатлениями от увиденного. В экспедиционных заметках Шахматова собраны образцы народного говора (ААН. Ф. 134, оп. 1, ед. хр. 225, л. 1—121, 20 об.—21, 34), выписки из местного архива загадок, пословиц, суеверий и примет (Там же. Л. 13—14. Записи 1848 г.), толкований снов (Там же. Л. 17—18. Записи 1858 г.), выписки из Архангельских губернских ведомостей 1847 г., из Вологодского собрания 1885 г., Пинежского собрания 1850 г. (Архив РГО. I, 10, л. 49), из «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (Там же. Л. 53—53 об.) и т. д.

Лингвистические наблюдения за местными говорами А. Шахматов отразил в отчете, прочитанном им на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое проходило 3 октября 1884 г. в Политехническом музее. В своем докладе он отметил, что говор в Кондопожской волости Петрозаводского уезда не отличается чистотой, так как в нем заметно смешение наречий, а также сильное влияние петербургского говора. В Заонежье А. Шахматов имел возможность наблюдать «два говора, очень сильно отличающиеся один от другого».⁷ Первый говор был обнаружен им в Великогубской волости Петрозаводского уезда и Шуньгской Повенецкого и был назван Кижешуньгским (или ляпающим). Второй говор, отмеченный в Толвуйской волости Петрозаводского уезда, получил название Толвуйского. «Нужно заметить», писал в своем отчете А. Шахматов, что «между этими двумя народностями — Кижешуньгской и Толвуйской — лежит очень существенное различие, в особенности, если поставить это замечание {...} в связь с наблюдением покойного Гильфердинга относительно того, что кижские певцы „совершенно иначе поют былины, чем толвуйские“».⁸

Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная, и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию. «Это соприкосновение диалектологии и этнографии имело результатом то, что Алексей Александрович [Шахматов] посте-

---

⁴ Материалы экспедиции А. А. Шахматова см.: ААН. Ф. 134, оп. 1, № 80. См. также: *Шахматова-Каплан С.* Олонецкие фольклорные записи А. А. Шахматова // *Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948.* С. 11.

⁵ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию // *Тр. этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1886.* Т. 48. Вып. 1. Кн. 7. С. 53.

⁶ *Шахматов А. А.* Путевые заметки // ААН. Ф. 134, оп. 1. № 225.

⁷ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической экспедиции в Олонецкую губернию. С. 54.

⁸ Там же.

пенно становился и этнографом, не ставя, впрочем, этнографии своей ближайшей специальностью».⁹ В свою первую экспедицию А. Шахматов записал значительное количество фольклорного материала, причем в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в русской фольклористике. М. К. Азадовский, оценивая качество записей А. Шахматова, писал: «Нужно признать, что безукоризненных записей памятников фольклора очень мало, — записи диалектологов бывали часто наименее удачными. Это потому, что они стремились, главным образом, уловить фонетические и морфологические особенности говора, вслушиваясь в „слова“, часто теряли из виду речь в целом, отсюда меньшее сравнительно внимание к целостному строю народной речи, к ее синтаксису. Записи Шахматова в этом отношении действительно безупречны, хотя чисто фольклористические проблемы в ту пору его менее интересовали».¹⁰

И тем не менее фольклористические результаты первой поездки А. Шахматова в Олонецкий край оказались очень значительными: он записал 71 сказку, 10 былин, большое количество свадебных песен и причитаний, 30 загадок и 2 духовных стиха, которые впервые публикуются ниже.

Духовные стихи А. А. Шахматов записал в Кондопожской волости в деревне Верхне-Заднее, расположенной в пяти километрах от села Кондопога от одной из лучших сказительниц этого района Степаниды Юплиновны Тараевой (ААН. Ф. 134, оп. 1, л. 4, с. 2—8; л. 4, с. 4, столб 2; л. 5, с. 1). От С. Ю. Тараевой помимо духовных стихов А. А. Шахматов записал сказки, былины и свадебные причитания.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. О Егории Храбром и Елисафии

- Перево́й горóд-помóр горóд,
 Дрúгой гóрод-царьсво Рахлыньское.
 Как помóр — город он сквозь землю шоў,
 Херувíм — горóд он огнём пошоў.
- 5 На тóо царьсво Рахлыньское
 Напущаў Господь змей лютыў.
 Она начала ходить по гóроду,
 Емать (жимать) себи голову.
 [Первуа] головушку себи курячью,
- 10 А в других головушку скотýнную.
 Тёперь тых голóв мало в царьсвии ставитця,
 А тепёрь змей да надо гóлова
 А головушка целовецецька.
 Тóгда всё ли царьсво сволновáлося,

⁹ *Истрин В. И.* А.А. Шахматов как ученый // Изв. ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 24.

¹⁰ *Азадовский М. К.* Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск. 1948. С. 7.

- 15 Весь наро́д в одно́ место съежжались,
Съежжались вси царю́-цари́ци,
Ай вси корóлы, коралёвици.
Приежжял к ним в думу
Тут Огапит-царь.
- 20 И ёны думу́ думáли о гóловах,
О голо́вушках о целовеце́ьких.
Ай совет дали да кидать жере́бей,
Кидать жере́бье́ да о голо́вах,
Что кому́ иттú да ко синю́ морю,
- 25 Ко лютой зме́й на съедёнье,
Ко проклятой зме́й на прожрэние.
[Тогда] а пошоу́ домой да е Ога́пит-царь,
Как стречала ёго да молодá женá,
Мо́лода царица государыни,
- 30 Она здравова́ла своему́ мужу́:
«Ох, что здравсвуй, муж мой Ога́пит-царь,
А ты что же царь идёшь кручиноват,
Ты кручиновя́т да царь печаловя́т,
К не собаки ль ты да приоблаили,
- 35 И не добры́ люди ты приогба́или,
Аль ты обчесьтво, да царь, обидило,
Аль в кумпаньи тибя приубняли».
А тут есть спорече́ит Огапит-царь:
«Ай же, мо́лода царица-госуда́рыни,
- 40 Не собаки меня приобла́ели,
Не добры люди меня огба́или,
Ме́ня общество не обидило,
Ме́ня в кумпаньи царя не обнесли,
А тут сове́товали кидать жеребёй,
- 45 Кидать жеребей о голо́вушках целовецеских.
Выпадал тут жеребеи на царьский двор,
Да на царьский двор, да на меня́ царя,
На меня́ царя да на Ога́питá».
Как спрого́ворит мо́лода жонá,
- 50 Мо́лода царица-государыни:
«И не кручинися царь и не печáлуйся,
У нас есть-то дóчи да еди́ная,
Дочь еди́ная, дитё любимо́е,
Молода ли Адисафия Агапевна;
- 55 Она не нашу веру она верует,
А не нашим Бо́гам ёна молитця.
Она веру верует хресья́нскую,
Ёна Богу молитця роспятому,
А мы ю даим да ко люто́й зме́й,
- 60 К люто́й зме́й даим на съедение́,
Ко проклятой даим на прожрэние.
Ты по́ди-тко, царь, да к сво́ей дочери,
А во све́тлу по́ди све́тлицу
А во нову по́ди к ней во горницу,
- 65 Ты е хрёс полóжи по-писа́ному,
Ты поклон веди да по-учёному,
А на́ вси четырё да на сто́роны́.

- Ты е здраствуй своей милой дочері. —
 «Уж ты здраствуй, моя дочь премилаа,
 70 Молода Алисафия Агапевна.
 Я тиби, дочі, нынь радóсть скажú,
 Я те радость скáжу, дочь, великую,
 Что с той стóронúшки да с Земли Руськоёй,
 Зёмли Руською да приши сватовá.
 75 А пришли сватовá да дочку свátати.
 Я тебя, дочи, хочú замúж отдáти
 А во тую Зёмлю во Руськую.
 Там не нашим Бóгам ёны молотца,
 Ёны Бóгу молотца роспáтому.
 80 Ты ставáй-ко, молодá Лисафия,
 Ты ставáй по утрышку ранéшенькó,
 Умывáйся, дóчи, ты белéшенькó,
 А снаряжайся, дочька, хорошóхонько,
 А тибя, дочі, да тут смотреть будут».
- 85 Не досúг тогда былó Огапиту,
 Не досúг ёму да тёмной ночки спать,
 Ёму вряд ли былó добрых коней искать,
 Добрых конюшков да неезженных,
 А не ежденных да не дéчченых.
- 90 Он взыскал курéтушку чóрнуú,
 Курéту чорную да ету тёмную,
 В туи курéтушки да есть детинушка,
 Детинушкá ла повáленой.
 Прямо едёт он да к Алисафии,
 95 Приеидял тут к неи да на белой двór,
 Тóгда вставáла молода Алисафия,
 Умывáла личинько белоё,
 Утирала лицько своё белоё,
 Выходила óна тут на белый двор,
 100 На белом двори да томный конь стоит,
 У нёгó гóлова да повишенá,
 А тут стоит курéтушка черная.
 Подходила к курéтушки девушкá,
 Молода Алисафия Агапиевнá,
 105 Говорила рíчи ёна томны:
 «Ай же, молодóй ты дитинушка,
 Ты дитинушка да е повáленой,
 Подожди меня да ты минутой час,
 Погоди девица снарядитися,
 110 Я не смéню, бедна, слова родительска,
 Я пойду беднá ко синю морю,
 А к лютой змеи да на оседениé,
 Ко проклятой на прожрениé».
- Тогда мóлóдá Олисафия
 115 Цветно платьицё роздеваласи,
 А в чорно платьицё снаряжаласи,
 А тут бралá в руки книгу евангельскú,
 Тут бралá три йконы Божиих,
 [Три иконы Божиих]:
 120 Первую икóну самому Христу,

- Другую икону причистой Богородици,
Третью икону Ёгорию Храброму.
А ёна Господу помолиласи,
К мать-земли ёна да поклониласи,
125 [На покло] (а во двор ёна тут есть пошла),
А с покою ёна да во двор пошла,
Приходила она к лошадке томнёй,

Ко куретушки да ко черноёй.
Ёна с батюшкóмы попротиласи,
130 В резвы ноженьки паклониласи.
А только видли девушку в курету сядучись,
А не видли девушки поедучись,
Привезиу дитинка да поваленой,
Привезиу тут ён ю ко синю морю.
135 Становиу к кусту ко ракитову.
Тут прощаласи, благословляласи
С молодым детинушкой поваленим:
«Ты прости меня, доброй молодёць,
А на веки мене нерушимую».
140 Тогда молода да Алисафия,
Тогда брала иконы она Божия,
Приставляла к кустышку ракитову,
Ёна стала просить да Господá,
Самого Христа пря небесного,
145 Во в других просить пречисту Богородицю,
В трéтьих просить Ёгория Храблбо.
Стала чítать книгу да Евангеля.
Прóлила слезы да с глаз горячии.
А как зглянула ёна во в чисто полё,
150 Во в чисто полё, во синё морё,
А во чистом поли да ажно конь бежит,
На добром кони дóброй молодёць,
Доброй молодёць и ён усажёнй,
Прямо едет ён да ко кусту ракитову,
155 И прямо едет он да к Алисафии,
К Алисафии к Агапиевной.
Он тут скрыкнул тогда жалким голосом:
«Ай же молодá Алисафия,
Алисафия ты Агапиевна,
160 Ты держи у меня да добра коня,
Ты возьми в руки да шолков повод,
Ты свежи коня да к кусту ракитову,
Поищи же ты да Алисафия,
Поищи же у мя буйной гóловы,
165 Уж я так, молодёць, отдохнуть хочю,
Ты головушкó у мя поискивай
И на синё морё ты поглядывай,
А как сколыбнется да синё морюшко,
Как расходитца страшная волна,
170 Тут покажется да змея лютáя,
Ты тогда меня да со снó буди».
Стала молода да Алисафия,

- Стáла головушку јискать у нёго.
 Как зглянула ёна на синё морё,
 175 Синё морюшко скалыбалося,
 Страшнаа волна да росходилася,
 А змёя лютая да оказалосья.
 Тут плувёт змея ухвиляетя.
 И я теперь, змея, да выдь сыта будú,
 180 И есть дви головы мни чоловецёцких,
 [Еще дви] третья голова да лошадиная.
 Тут расплакалась Алисафия,
 Пролила с очей горючй слезы,
 У ней слёзыньки призакапали
 185 К добру молодцю на бело лицё.
 Тут доброй мóлодець он со сну скочиў,
 [Доброй молодець он со сну скочиў],
 Он скакал на своёго добрó коня,
 Ён-то в ручку брал жозло востроё,
 190 Ён тут стал да е по полно разъеждивать,
 Разъеждивать да разгуливать,
 Уж ён стал змею ён ту меать-топтать,
 Меать-топтать и жозлом колоты,
 И ён жозлóm колоў да приговариваў:
 195 «А уж ты быдь, змея, ты кротка, смирна,
 И [уж] ты кротка, смирьна, как скотиника».
 Тут как рыкнул добренькой да молодець:
 «Ай же, молода да Алисафия,
 Алисафия Агапиевна!
 200 Ты возьми-тко свой да шолков пояс,
 Ты свяжи змею на шелков пояс,
 Ты веди змею в царьство Рахлынское,
 Ты веди змею к своему отцю,
 К своему вотцю веди на белый двор».
 205 Тóгда молодá Алисафия
 Подавала ёна как шолков пояс,
 А Егорию свет тугда Храбломú
 Подавала јёна свой шолков пояс.
 Ён связал змею на шолко пояс,
 210 Ён давал змею да Олисафии.
 Алисафия прослезиласй,
 Очи ясныя да помутилися,
 В белом личенькй кров измениласй.
 Ёна Ёгорию свету да скорýласй:
 215 Ёна в ноженьки поклониласй:
 «А Егорей свет и ты мой батюшкó,
 Как свёду змею в царьство Рохлынское,
 Мни куды ю класть к своёму вотцю».
 «Ты веди к отцю да на белый двор,
 220 Станови к стоўбу ко точному,
 А к околечку свяжи золоченому».
 «Дай-ко, батюшка, заповедь великую,
 Чтобы поверовали веру рускую,
 А чтобы строили церкви соборныи,
 225 А три церкви строили соборныя,

- А перву церковь е да самому Христу,
 Дру́гу церкву е пречистой Богородици,
 А третью церковь е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 230 А помощнику да Алисафину́.
 А ты сведи змию спусти да во синё морё,
 Ты спусти змию на кру́ты бе́регá.
 А тут змия тогда да россыпалася,
 Прироссыплется на змиёныши,
 235 А по земли [бы] жёны да будут плавати».
- Тогда молодá да Олисафий
 А проводила змею в царство е Рахлыньскоје,
 Приводила к батюшку к белу́ двору́.
 Тут как крыкнула́ жалким голосом:
 240 «Ай же, батюшко мой Огапит-царь,
 И отвори́й-ко ты мни свой белый двор,
 Ты пусти змию да на белый двор,
 А во тоё царство да Рахлыньскоё.
 Я спущу змию когда на волюшку,
 245 А приест ёна вас да до единого,
 Не оставит вас ёна вас на си́менá».
- А тут спугался батюшко Огапит-царь,
 Возмолился дочери премилое:
 «Уж ты здравствуй, дочь моя любезная,
 250 Не губи меня, свогó отця́,
 Царя́ Огапита́, и мы поверуём да веру руськую,
 Дам я клятву ту да великую
 И я сострою церкви три соборных:
 Перву церьков е самому Христу,
 255 Другу церьков е пречистой Богородици,
 Третью церьков е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 А помощнику да Алисафину́».
- Тогда взяла мóлода да Алисафий
 260 Ёна взяла змию за шолков пояс,
 Ёна свела змию ко синю́ морю́,
 Ёна тоўкала ю да в кру́тый бережок.
 «Ты россыплись-ко, змея лютая,
 На жолты песочки меленьки,
 265 А на маленьки да на змеёныши.
 Пу́щай по́ земли жёны плавают,
 А головушок пушай не трóгают.
 А во веки веков аминь,
 Алисафии славу поим».

2. О страшном суде

- Плачу́ я, рыдаю́, смеёратные час замышляю,
 Душá с телом росставалося.
 На страшен суд зготовляласи умерши,
 От гробов встанут, с небес сойдёт суда праведен,
 5 С небес сойдет Михайла Архангел.

- С престолом сойдет он со Господним,
На гóру сойдёт на Фараоньску,
Во вострубит он да в трубу злату.
Все земля опокетсется,
- 10 Солнышко к мисяцю таются
И звезды все на землю сподуть.
В другой раз вострубит в трубу злату:
«Ставайте-тко, умерши из гробов,
Которы вам праведные души,
- 15 Ставайте полком вы одну
Воротитесь лицами ко востоку —
Отвержены райски вам двери,
Сготовлена райская вам пища,
Ризы нетленны износилися».
- 20 Споречит Михайла Архангел:
«Ставайте вы, грешники и грешници,
Ставайте поўком вси о шую,
Ставайте под западовы лицямы,
Станьте к остоку вы хребтамы,
- 25 Сотвориў Господь вам вечну муку
Отныня вам мука до века.
Там будет вам река огнянная,
Будет люта смóла кипячоная,
Будет вам олово горячее».
- 30 Росплачются грешные души,
Припадут Михайлы на коленка:
«Ай же ты, Михайла, наш архангел,
Что ли ты нас в рай не спущаешь,
Небесного царьствия лишаешь».
- 35 «Ай же вы, грешенные души,
Вы сторожены от Адама и от Иеўвы,
Сосланы были на ту рудную землю
Ради вы душевного спасения.
Вы ведь брат е брата не любили,
- 40 Суседа суседом не нарекали,
Дитей жидовами называли,
Жида у Христа света проклятыё
Именем Господним».
- Тут воструб Михаил как архангел
- 45 В третий раз вострубит трубу злату
Горы и щелья распадутся,
От остока протечет река,
Прольёт река огнянна,
Пожрет река эта огнянна,
- 50 Пожрёт горы и каменя
Со скотищем, пожрет она со звёрямы,
Со всею нечистою тою силою.
Пожрёт рика ёще огнянна,
Грешников пожрёт рика огнянна.
- 55 Во веки веков аминь.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О Егории Храбром и Елисафии

В русской традиции известны два сюжета духовного стиха о Святом Георгии: мучения Егория и змееборческий о Егории и царевне (так называемые «большой» и «малый» стихи). Различные варианты стиха о Егории и царевне получили распространение преимущественно в районах Русского Севера, Поволжья, в Белоруссии, Смоленской области и среди русских старообрядцев Латгалии и Причудья. Публикуемый текст представляет собой полный вариант духовного стиха «О Егории Храбром и Елисафии (Олисафии)», получивший распространение в севернорусской традиции. Сюжет включает в себя 22 традиционно устойчивых мотива (подробный анализ всех известных вариантов «малого» стиха и схемы развития действия см.: *Хлыбова Т. В.* «Стихи о святом Георгии — Егории» (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1994). В письменной традиции стих «О Егории Храбром и Елисафии», как и большинство духовных стихов эпического плана, не получил широкого распространения и дошел до нас в рукописных сборниках духовных стихов в единичных списках.

Литература: *Веселовский А. А.* «Разыскания в области русских духовных стихов». СПб., 1880. Вып. 2; СПб., 1891. Вып. 6; *Кирпичников А. И.* «Святой Георгий и Егорий Храбрый». Исследования литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Соколов Б. М.* «Большой стих о Егории Храбром». М., 1995.

2. О страшном суде

Стихи эсхатологической направленности о конце света и о страшном суде получили широкое, повсеместное распространение, преимущественно в старообрядческой среде. Основа сюжета стиха «Плачу я, рыдаю...» — страшный суд и последующее за ним наказание грешников. По тематике и структуре (центральный эпизод стиха представляет собой диалог между Михаилом-архангелом и душами грешников). Стих «Плачу и рыдаю...» близок к известным духовным стихам о Михаиле-архангеле (см.: *Варенцов В.* «Сборник русских духовных стихов». СПб., 1860) и «Плачу я и ужасаю» (см.: *Бессонов П.* «Калики перехожие». М., 1863. Вып. V). Однако текст стиха оригинален и не является вариантом и компиляцией вышеуказанных текстов.

Многочисленные варианты стиха см.: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. Н. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря // Тр. музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2.